

любовный роман

КРИСТИНА
ЗОРИНА

УМИРАЕТ НЕНАВИСТЬ—
рождается
ЛЮБОВЬ

Кристина Зорина

**Умирает ненависть
- рождается любовь**

«Автор»

2026

Зорина К.

Умирает ненависть - рождается любовь / К. Зорина — «Автор»,
2026

Встретить в общежитии своего старого мучителя, от которого ты избавилась только благодаря тому, что тот ВЫПУСТИЛСЯ ИЗ ШКОЛЫ – это конец. То есть – ты только начала, но уже закончила. Пока-пока. Есть еще легонькая, крошечная такая надежда, что этот кретин ее не узнал, и Юля цепляется за нее, медленно поднося полотенце к лицу, чтобы хоть как-то прикрыться, но вдруг слышит:– Оп-па! Это кто тут у нас? Ну и все. Приехали.

Кристина Зорина

Умирает ненависть - рождается любовь

Глава 1

Когда Юля заселяется в свою комнату в общежитии, две кровати из трех уже заняты. Ей достается та самая, никому не понравившаяся – далеко от окна, розеток и письменного стола. В общем, почти под самой дверью.

С другой стороны, сама виновата, надо было приезжать вовремя, а не болтаться в родном городе лишнюю неделю, пытаясь разобраться с отношениями, которые изначально были очень плохой идеей.

Она вздыхает, складывает вещи на кровать и осматривается.

В целом, все не так плохо.

Она ожидала худшего: плохого запаха, тараканов, бардака и остатков еды в кухонном уголке.

На деле же здесь вполне чисто, не пахнет ничем противозаконным и даже, кажется, почти свежий ремонт (по крайней мере, не пятилетней выдержки).

В блоке две комнаты и общий туалет.

В туалете прямо на полу лежит старенький томик рассказов Булгакова, на котором приклеен стикер: «Это не туалетная бумага! Я читаю!»

Юля улыбается.

Она раскладывает вещи, прохаживается по коридорам, выясняя, где тут что.

На их этаже несколько жилых блоков, кухня, постирочная и общий балкон. Также прямо посередине, рядом с лестницей, находится просторный холл: выстроенные вдоль стены столы со стульями, большой диван и телевизор на стене.

В целом, жить можно.

При желании – учиться тоже, хотя такого желания у Юли вообще не наблюдается.

Она хочет работать.

Буквально – сразу. Работать, где угодно. Не тратить годы на образование, которое может и не понадобиться. Но родители настояли. Якобы, с ее хорошими баллами по ЕГЭ – грех не поступить.

Она и поступила.

Себе на беду.

А теперь смотрит на все, что ее окружает и чувствует... уныние.

Не потому что здесь плохо, вовсе нет. Потому что это не то, чего она хочет. А куковать ей в этом месте ближайшие четыре года.

– О, привет!

Юля вздрагивает, понимая, что даже не слышала, как открылась дверь в комнату.

Вот и первая соседка.

Светлые волосы – до плеч, очки в квадратной оправе, модный рюкзак и брекеты. Она улыбается во все зубы, выглядит очень довольной жизнью.

– Привет. Я Юля.

Она протягивает руку.

Соседка крепко сжимает ее.

– А я Тея.

– Тея? Необычное имя.

– Это Теона. Не спрашивай о том, что курят мои родители, плиз. Сестра – Эврика.

Юля удивлена, но не настолько, чтобы концентрировать на этом внимание.

Тя – второкурсница, рассказывает про общагу, про то, как тут все обустроено (как и везде, в целом), кратко – про вторую соседку, которая почти не появляется, так как большую часть времени тусуется у своего парня, про девочек из комнаты за стеной.

Юля только кивает.

У нее вообще с общением туго, ей нравится одиночество, музыка и когда к ней никто не лезет. Три столпа, на которых строится вся ее жизнь. Ей бы в идеале отдельную каморку с кроватью и розеткой, она была бы счастлива, но имеем то, что имеем.

До конца дня она обустроивается, разбирает вещи, заправляет постель.

В общаге в целом тишина, но оно и понятно – выходной день, да еще и такой теплый, солнечный, все студенты тусуются где-то на улице, ловя последние деньки уходящего лета.

Только к вечеру коридор и соседние комнаты наполняются звуками. Из общей кухни доносится звон кастрюль, смех парней и девчонок (единственная странность – совместный этаж), топот ног по дешевой плитке.

Юля торопится в душ, пока там не собралась большая очередь.

Женские душевые все заняты, но есть еще общая, на первом этаже, в самом конце коридора. Там всего одна кабинка, так что ты ни с кем не пересечешься, и у Юли вообще с этим нет проблем, так что она спокойно выбирает этот путь. Тем более, по словам соседки, там всегда меньше народу.

На лавке перед дверью сидит один парень с полотенцем в руках и маленькой мыльницей сумкой на коленях. Юля занимает за ним и садится, глядя в одну точку.

Она пытается найти в себе какие-то чувства.

Новые, старые, неважно.

Тоску или радость, любовь или ненависть.

Ведь так обычно бывает, когда человек резко попадает в свой новый жизненный период? Он испытывает яркие эмоции?

Но их нет.

Ни грусти, ни желания уехать. Ни счастья, ни желания остаться.

Ей... никак.

Возможно, это связано с ее последним расставанием. Оно все выкачало, все забрало. Выдернуло из Юли все внутренности, и теперь она – пустая оболочка, которая не способна ничего испытывать.

Костя был ее миром. А еще – ее адом, потому что назвать эти отношения абьюзивными будет слабо.

Костя был... Лучшим и одновременно худшим, что с ней случалось. Он расковырял все Юлины раны и комплексы, а Юля, влюбленная по уши, думала, что он, наоборот, помогает.

Когда контролировал каждый шаг – заботился, не то что родители!

Когда ревновал до сорванной глотки и синяков на бедрах – любил, так любил!

Когда бросал – отпускал.

Когда просил вернуться обратно – подбирал.

Юля искренне так считала.

До недавнего времени.

Потом вдруг, в один день, просто открылись глаза, захотелось дышать. Может быть еще и поэтому она поехала поступать, в самый последний момент, едва попадая на бюджет. Не только чтобы угодить родителям. Сбежать, выдрать с корнем.

Сбежала.

Сидит теперь, без чувств вообще, на холодной лавке в общаге, слушает плеск воды в душевой за дверью и не представляет, как ей жить.

В какой-то момент она так глубоко уходит в свои мысли, что не замечает, как дверь в душевую открывается и из клуба пара выходит человек. Парень, сидевший в очереди, сразу же заходит внутрь. Юля чуть сдвигается по лавке ближе к двери, и только потом поднимает глаза...

Хочется их протереть, честное слово.

И не только потому что стоящий перед ней парень в полотенце сияет чистотой и гладкостью кожи, как чертово небесное создание, а еще и потому что Юля этого парня знает.

И узнает.

Одной секунды хватает, чтобы вспомнить – опостылевший школьный коридор, давящий на плечи рюкзак, толчок в плечо и громкий смех толпы.

«Свали с дороги, Дохлячка!»

Мдаааа.

Собственно, поучились и хватит.

Встретить в общаге универа своего старого мучителя, от которого ты избавилась только благодаря тому, что тот ВЫПУСТИЛСЯ ИЗ ШКОЛЫ – это конец.

То есть – ты только начала, но уже закончила. Пока-пока.

Есть еще легонькая, крошечная такая надежда, что этот кретин ее не узнал, и Юля цепляется за нее, медленно поднося полотенце к лицу, чтобы хоть как-то прикрыться, но вдруг слышит:

– Оп-па! Это кто тут у нас?

Ну и все.

Приехали.

Юля вздыхает, поднимает взгляд.

Чертов Денис Сарычев. Блондин на миллион, чтоб его перекосило. Гроза Юлиной школы, любимчик девчонок и, какого-то черта, учителей, но дикий хейтер Юли с восьмого по девятый класс. Козел, короче, одним словом.

Он вообще не изменился. Разве что щетина появилась, а в остальном – он так же возмутительно хорош и, судя по взгляду, которым на Юлю смотрит – не растерял ни грамма своей первоклассной убудочности.

Юля старается его игнорировать, но это сложно, когда коридор пуст, а Денис буквально голый, с едва прикрытыми полотенцем бедрами, стоит напротив.

– Иди уже куда шел, Сарычев, – просит Юля, все еще лелея надежду.

– И что, даже не здороваешься?

– Привет.

Сарычев разумеется, к ее просьбе прислушиваться не собирается. Хуже – он приземляется рядом, прямо-таки впритык, а Юле и деться-то некуда, потому что она и так на краю лавки сидит. Она только внутренне сжимается, чтобы не соприкоснуться с ним случайно голой коленкой (да, она в шортах, ну не в штанах же ей в душ идти!).

– Ну привет. Как ты тут оказалась-то?

Юля вздыхает.

– Как и все – сдала экзамены, подала документы, поступила в университет. А ты как? Пробил кому-то голову, чтобы тебя взяли?

Сарычев хмурится и цокает так тупенько языком.

– Некрасиво, Дохлячка. Очень некрасиво.

Юля понимает, что она нарывается. Нельзя провоцировать того, кто несколько лет был твоим ночным кошмаром. Но это защитная реакция, понятно? Ей не справиться с этими эмоциями, с этими воспоминаниями и этой злостью, которая в ней кипит!

– Просто говорю, что думаю, – отвечает она максимально спокойно, хотя внутри – ураган.

– Вернее – совершаешь свою уже знакомую ошибку, а?

Сарычев всегда умел улыбаться так, что хотелось выбить ему зубы.

Он и сейчас так улыбается. Широко и сияюще, и цокает языком.

Юля отворачивается.

Впивается пальцами в свою сумку, смотрит прямо, надеясь только, что кто-то придет, что исчезнет это тупое, никому не нужное уединение.

– Слушай, прошло два года. Твоя жизнь и правда настолько скучна и вообще не изменилась, что ты до сих пор жаждешь доставать тех, кто слабее?

– А ты не будь слабее, Дохлячка! Не будь! Прошло два года, вот именно! Давай, дай мне отпор!

Сарычев легонько Юлю толкает плечом, и у нее потеют ладошки.

Отпор.

Чуваку под два метра ростом, накачанному и явно даже здесь обложенному шестерками со всех сторон.

– Я учиться приехала, а не с призраками прошлого воевать.

– Эх, – Денис вздыхает. – Скучная ты. А могло бы быть весело.

– Уверена, ты за два года нашел с кем повеселиться.

И, слава богу, в этот момент дверь в душевую открывается, потому что, очевидно, тот парень моется полторы минуты.

Юля быстро встает и уходит.

Сарычев кричит ей в спину:

– Еще поболтаем, Дохлячка!

Дохлячка.

От этого слова у Юли мороз по коже и дикое желание кричать на весь город.

Два года она его не слышала. Два года. А перед этим – слушала ежедневно. Первый раз – от Сарычева, а потом, когда он понял, что всем нравится – ото всех его дружков. И вот уже три дня спустя вся школа звала ее Дохлячкой.

Казалось бы, не самое обидное прозвище, да? Юля ведь и вправду была тощая и маленькая, ее в то время ветром сдувало с ног (не сказать, что она сейчас вдруг стала бодибилдершей, но хотя бы кости мясом обросли). Но то, как они это говорили... И при каких обстоятельствах.

Когда Сарычев выпустился, все стихло. Почти все его дружки покинули школу вместе с ним, а подсысывалы помладше оказались слишком трусливыми, когда их Короля не было рядом.

И это глупое, дурацкое прозвище стерлось...

По крайней мере, Юля так думала.

И вот, снова.

И снова – от Сарычева.

И снова там, откуда ей некуда деться.

Глава 2

Первая неделя в универе проходит волнительно.

Юля не любит новые знакомства, ей и старые-то особого удовольствия не приносят, но снова и снова кому-то представляться, улыбаться, делать вид, что запомнила имя – это не ее.

Но она узнает в своей группе нескольких человек из общежития, из соседних комнат, и они даже вместе ходят на обеды и домой после пар.

В остальном, ну пары и пары. Скучно, обыкновенно, небо постепенно затягивает серым, хотя синоптики обещали хорошее, жаркое бабье лето.

Юля ищет в себе хоть какую-то радость новизны, но ее и раньше-то не было, а теперь, когда на горизонте появился Сарычев, ей совсем стало тошно.

Сарычев пока не появляется на глазах, но, судя по всему, живет на этаже Юли, так что риск столкнуться с ним на общей кухне или в туалете, или на балконе – велик, поэтому Юля никуда не выходит.

Ест «дошираки», моется рано утром, на пары уходит тоже рано, и в какой-то момент ее так это достает! Она как будто спотыкается на чем-то и думает: «А с чего ради?»

Она бежит от Сарычева, и это так тупо! Если она намерена так продолжать, лучше сразу отчислиться или перевестись, а не превращаться в какого-то параноика!

Юля возвращается в общагу и впервые идет на кухню, чтобы приготовить себе макароны.

Кухня простенькая, с тремя электропечами, на одной из них в сковородке жарится картошка, на второй – варятся пельмени. Остальные конфорки на этих двух печах свободны, но Юля решает не выпендриваться и пойти к третьей.

Ставит воду в кастрюле, включает плиту.

Вспоминает, что не взяла телефон и уходит, а когда возвращается – встреча века.

Прям сразу.

Как будто вселенная дает ей пинка под зад.

Сарычев стоит у плиты и помешивает свои пельмени.

Выглядит... Как будто ведет самый здоровый образ жизни на свете, если честно. Не помятый, не уставший, свежий и бодрый, с наушником в одном ухе, в белой майке и спортивных штанах.

Юля взгляд от него отводит тут же, через секунду, но перед глазами так и стоят эти мускулы.

Ну почему так?

Почему ужасные люди всегда красивые? Или красивым сразу при рождении скотский характер выдают?

– И снова здарсьте, – улыбается Сарычев, заметив Юлю.

Юля игнорирует его.

Солит воду, распечатывает макароны и снимает упаковку с сосисок.

Она есть хочет, а не препираться с этим придурком.

А Сарычева, видимо, этот игнор бесит сильнее некуда, потому что он прямо-таки впивается в Юлю взглядом.

– Эй! Я сказал «привет». Воспитанные люди обычно здороваются.

– Ну, считай, я невоспитанная.

– Может, ты скажешь, что такого я тебе сделал?!

Он подходит ближе, и Юля, от греха подальше, отступает к окну и, подперев подоконник задом, скрещивает руки на груди в защитной позе.

– А у тебя память отшибло?

Сам факт, что Сарычев вообще задает этот вопрос – оскорбителен! Он мало того, что вообще не изменился, так и до сих пор считает, что был прав.

– Допустим, отшибло. Вот сейчас, оглянувшись назад, что ТАКОГО я тебе сделал, что ты так ершишься?

Он как будто искренне не понимает.

Юля задает встречный вопрос.

– А что ТАКОГО сделала тебе Я?

Сарычев на шаг отступает, и Юля выдыхает с облегчением. Его присутствие в своем поле ощущать невыносимо.

– Ты была невыносимой душнилой.

– А ты буллил меня. Придумал мне прозвище, с которым я жила два года. Ты не мог пройти мимо меня, не толкнув. Ты отбирал мои обеды, ты настраивал против меня людей. Ты смеялся надо мной. Ну как, достаточно равносильно?

Юля не хочет это все вспоминать, тем более, оправдываться, почему относится к Сарычеву так, но оно само выплескивается наружу.

Денис молча смотрит на нее.

Долго смотрит.

Юле даже кажется, что его insult прихватил.

А потом он вдруг отходит к своей кастрюле и говорит:

– У тебя вода закипела.

А Юля... Юле как будто подзатыльник дали.

Он серьезно? Вот так закончит этот разговор, который сам начал?

– Что? – спрашивает она.

– Вода закипела. Высыпай макароны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.